

Подписка принимается:

Въ Ташкентѣ—въ конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Домашнева) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Машной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪДОМОСТИ.

29-го ЯНВАРЯ

№ 2.

1871 ГОДА.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.
сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ парѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (*).

§ 200 проекта положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сырѣ-Дарьинской областяхъ опредѣляетъ самымъ точнымъ образомъ отношеніе русской власти въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ къ суду биевъ: а) вмѣшательство въ судъ строго воспрещается (стр. 41). Этимъ закономъ дается полная самостоятельность суду биевъ. Законъ очевидно хотѣлъ поднять судъ биевъ на ту высокую степень, на которой долженъ стоять всякій судъ, и безъ которой никакой судъ не возможенъ. Гарантій такого высокаго положенія суда служить его независимость, огражденная, какъ мы уже сказали, § 200 и строгость исполненія его приговоровъ, обязательныхъ для административныхъ лицъ. Да иначе и быть не можетъ; то не судъ, которымъ всякій начальникъ можетъ вертѣть какъ хочетъ!

Законодатель предполагалъ, что бии знаютъ народные обычаи, что они могутъ изахотѣть быть справедливыми; предполагается, что народъ здраво воспользуется тѣмъ выборнымъ правомъ, которое ему даровано, и при выборахъ будетъ имѣть въ виду только свои интересы, а потому выберетъ дѣйствительно людей честныхъ и справедливыхъ; предполагается, что народъ не довѣритъ своей чести и своего имущества людямъ, того не заслуживающимъ.

На основаніи такихъ взглядовъ, суду биевъ дана та самостоятельность, (даже большая: у киргизъ нѣтъ печати, которая клеймила бы неправедныхъ судей), которой пользуются русскіе судьи. Всякое же вліяніе уѣздныхъ начальниковъ законъ осуждаетъ, хотя и при этихъ условіяхъ возможно вліяніе представителя русской власти и даже возможно нарушеніе киргизскаго суда, безъ всякой за то отвѣтственности. Все зависитъ отъ случая, отъ личныхъ отношеній, но не отъ закона. Таковъ характеръ суда биевъ. Онъ нисколько не гарантируетъ справедливости и допускаетъ всякое вмѣшательство.

Посмотримъ, отъ чего зависитъ такое печальное положеніе народнаго суда и насколько это зависитъ отъ личнаго развитія биевъ и отъ примѣненія народомъ дарованнаго ему права выборовъ.

Народъ не понимаетъ силы выборнаго начала и имъ нисколько не пользуется. На всѣ должности, за малыми исключеніями, начиная съ десяточныхъ и до волостныхъ управителей, лица не выбираются, а назначаются, только не русской администраціей, а родоправителями. Господствуетъ одно лицо или союзъ нѣсколькихъ родичей. Это зависитъ отъ положенія старшаго въ родѣ и отъ состава волости. Если волость составлена изъ одного рода и родоправитель человекъ вліятельный, какимъ былъ Роскулбекъ Нарбутина у тунгатаровъ (на Кетмень-тюбе), то всѣ выборы будутъ сдѣланы по его назначенію.

Если волость состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ или отдѣловъ и представители этихъ группъ самостоятельны, то въ каждой группѣ распоряжается свой родоправитель, назначая себя въ бии, а своихъ джигитовъ или родичей—въ аульные старшины; десяточные же и пятидесяточные рѣшительно никакого голоса не имѣютъ. Это, какъ стадо барановъ, которое идетъ туда, куда его гонять пастухи. Я три года управлялъ киргизами и стоялъ на столько близко къ нимъ, что могу назвать въ каждой волости, кто даетъ тонъ своей музыкѣ. Хотя въ моемъ положеніи это и не совсѣмъ удобно, но я приведу нѣсколько примѣровъ, для того, чтобы читатель не могъ подумать, что я говорю голословно, что дать возможность меня опровергнуть.

Я сказалъ уже, что въ Кетмень-тюбинской волости всѣмъ заправлялъ Роскулбекъ Нарбутина, нынѣ умершій; это былъ че-

ловѣкъ не дюжинный и онъ пользовался въ своемъ родѣ такими правами, которыхъ я нигдѣ не встрѣчалъ. Роскулбекъ былъ далеко отъ русскаго вліянія и надзора, а потому позволялъ себѣ такіе поступки, о которыхъ прежде никакой манашъ въ чуйской долині и думать не смѣлъ. Такъ напр. онъ бралъ зякетъ со всѣхъ коканскихъ купцовъ, которые приходили къ нему торговать и гарантировалъ имъ долги лучше русской администраціи, которая очень далеко; да зачѣмъ и вѣхать въ Токмакъ, когда сартъ знаетъ, что послушаться Роскулбека, все равно, что лишиться имущества, а пожалуй—и головы? Съ киргизъ онъ бралъ за свадьбу, за похороны, за обрѣзаніе. При кочевкахъ никто не смѣлъ раньше его трогаться съ мѣста и идти впереди его стада. Такое положеніе скопилось у него огромное состояніе и дало ему почти ханскую власть надъ народомъ. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймаютъ джигиты Роскулбека и сдѣлаютъ то, что будетъ приказано. Таковъ былъ Роскулбекъ, и туда-же мѣтитъ его старшій сынъ Диканъ, которому теперь 27 лѣтъ; послѣ смерти отца онъ взялъ все въ свои руки. Противъ него, какъ молодаго человека, является протестъ, но пока еще очень слабый.

Роскулбекъ приказалъ выбрать угодныхъ ему лицъ въ аульные старшины и бии, а волостнымъ онъ велѣлъ назначить своего брата Керимбека, который служилъ у него *джигитомъ*; самъ же онъ не хотѣлъ быть волостнымъ, чтобы не вѣздить часто въ Токмакъ, и не беспокоиться; положеніе же его осталось тоже самое.

Керимбекъ самъ мнѣ говорилъ, что онъ не больше, какъ джигитъ Роскулбека. Диканъ нѣсколько мягче относится къ дядѣ, но все таки заправляетъ волостью Диканъ, а не Керимбекъ; послѣдній выигралъ только тѣмъ, что при Роскулбекѣ онъ не имѣлъ никакого голоса, а Диканъ допускаетъ его въ свой совѣтъ съ правомъ голоса. При такомъ положеніи какой смыслъ имѣетъ выборное начало и каковы должны быть бии?

Въ Бурукчинской волости заправляетъ всѣмъ Шамень-Куттукъ-Сеитовъ, хотя съ властью, ограниченной младшими отдѣлами общаго рода. Въ Султинской—Байтыкъ совершенно самоправно распоряжается въ родѣ Канай,—въ родѣ же Булекпай управляютъ дѣти и внуки Кувата. Въ Толкановской старшій сынъ Джанкарача—Чолпанбай, Азаматъ Измаиловъ и Базаркуль. Такъ какъ Чолпанбай не далеко, то онъ допустилъ завладѣть собою одному сарту, кочующему съ нимъ, и своей женой. Въ Темирбулатовской—Тюрегельды Абаилдинъ, но власть его, когда-то грозная, выпадаетъ изъ его старыхъ и пьяныхъ рукъ и переходитъ къ внукамъ, изъ которыхъ особенно выдается Бектень-кыркъ-джигитъ (т. е. Бектень—сорокъ джигитовъ). Такое прозвище произошло отъ числительности его шайки, которую я разогналъ. Можно было бы привести такія данныя изъ каждой волости, но я думаю, что и этого достаточно, чтобы видѣть, какое значеніе и вліяніе можетъ оказывать выборное начало и что отъ него можно ожидать.

По послѣднему распоряженію генераль-губернатора бии будутъ выбираться не отъ цѣлой волости, а отъ ауловъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ бии выбираются или родственники или подручники родоправителя, въ аульные же старшины въ большинствѣ избираются джигиты родоправителя. Самъ родоправитель приказываетъ себя избрать въ волостные, если онъ не очень силенъ или честолюбивъ; если же у него есть сила, какъ у Роскулбека Нарбутина, Умбетъ Али Урманова, Шабдана Джантаева, то они предпочитаютъ оставаться въ тѣни, выставя волостными лица второстепенныя и незначительныя.

Какіе результаты можетъ дать такой судъ, какъ онъ теперь сформированъ? Тутъ уже я отстраняюсь отъ всякихъ умозрѣній; пусть факты говорятъ сами за себя. Я считаю только не лишнимъ предупредить читателя, что я имѣлъ слишкомъ обширную практику, для того, чтобы получить надлежащее понятіе о киргизахъ вообще и о ихъ администраціи въ особенности. Чтобы и здѣсь не думали, что я говорю съ вѣтра, то я скажу, что на моихъ глазахъ рѣшилось

(*) Кара-киргизы кочуютъ въ гористой, восточной части Туркестанскаго генераль-губернаторства, преимущественно въ Иссык-кульскомъ и Токмакскомъ уѣздахъ.

до трехъ тысячъ киргизскихъ дѣлъ; это можно повѣрить по документамъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ практики народнаго суда.

Коканскіе киргизы рода Тюрк жалуются, что ихъ ограбили киргизы рода Саякъ, отдѣленія Чонъ-Чура и отняли у нихъ 2500 барановъ, всѣ юрты и я не упомяну теперь что еще, — но дѣло было очень большое. Коканскимъ киргизамъ было объявлено, что русское правительство можетъ отвѣчать только за тѣ дѣла, которыя были при немъ, но по такимъ дѣламъ, которыя совершены были при ханскомъ правительствѣ и киргизами, жившими на коканской территоріи, мы отвѣчать не можемъ. Такой порядокъ принятъ былъ генераль-маіоромъ Черняевымъ, на сколько можно судить по архивнымъ дѣламъ, и такой же взглядъ на дѣло установился и при настоящей администраціи края.

Дѣло было передано на разбирательство съѣзда биевъ Токмакского уѣзда, (родъ Чонъ-Чура въ Токмакскомъ уѣздѣ). Біи очень хорошо знаютъ, что грабежи, бывшіе при коканскомъ правительствѣ, остаются безъ разслѣдованія, а потому желая оправдать русскихъ киргизъ, они хотѣли поставить все въ зависимости отъ времени. Отвѣтчики не заирались въ грабежъ, но упирались на время. Я имѣю привычку всегда вслушиваться въ дѣло и допытываться до тѣхъ поръ, пока не узнаю сути. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Грабежъ былъ доказанъ и время было также опредѣлено, именно тѣмъ, что ограбившіе внесли подать русскимъ, — годомъ раньше грабежа. Подать внесли въ 1865, а грабежъ былъ въ 1866 году, но біи притворились, что имъ мало доказательствъ, что грабежъ былъ въ 1866 году. По этому они рѣшили опредѣлить присягой время грабежа: если киргизы присягнутъ, что они ограбили раньше, чѣмъ внесли подать въ Ауліз-ата, то они правы. Тюрки понимали, что это рѣшеніе равносильно отказу и потому просили, чтобы присягу приняли съ ихъ стороны, но біи этого не позволили, и настояли на *присягѣ своихъ. Тюркъ выбрали на присягу старика Шамена, надѣясь, что онъ побоится Бога и не дастъ фальшивой присяги; Шамень былъ призванъ и я передалъ ему рѣшеніе биевъ. Правда, ему было это очень непріятно и онъ попробовалъ возражать, что онъ волостной и мананъ, но такъ какъ я не позволяю ни подъ какимъ предлогомъ отвертываться отъ присяги, то онъ согласился дать присягу (*).

Что дѣло Саяковъ было неправо, это было доказано безъ всякихъ сомнѣній и біи прибѣгли къ оправдательной присягѣ, надѣясь, что во первыхъ: присягу во всякомъ случаѣ примутъ, и во вторыхъ, что на присягу удастся привести не когонибудь чернокоснаго, которому не стыдно дать ложную присягу: таковъ взглядъ народа. Біи сначала стали поддерживать Шамена, требуя, чтобы Тюрки выбрали когонибудь другаго; когда же я этого не позволилъ, то они не требовали отъ Шамена формальной присяги, а удовольствовались тѣмъ, что онъ изъявилъ готовность принять присягу и потому отказали Тюрке, увѣряя, что саяки уже оправдались присягой.

Ясно, что біи въ этомъ дѣлѣ заботились не о справедливости, а о томъ, чтобы во чтобы то ни стало оправдать Саяковъ. Такъ и случилось; коканскимъ подданнымъ было отказано потому, что Шамень далъ оправдательную присягу.

Другой примѣръ: у татарина Саликея пропали 4 лошади; киргизъ Большой-Орды Киргизбай является доказчикомъ, т. е. беретъ обличить воровъ, за что требуетъ себѣ платы, по киргизски *сюинчи*. Саликей обѣщаетъ ему 80 рублей, самъ же уѣзжаетъ въ Вѣрное и поручаетъ хлопоты по этому дѣлу киргизу Сауромбаю. Деньги 80 рублей онъ оставляетъ татарину Муфтію. Сауромбай долженъ былъ выдавать деньги Киргизбаю по мѣрѣ того, какъ доказательства его будутъ приближаться къ достоверности. Надо сказать нѣсколько словъ о личности Киргизбая: онъ былъ невольникомъ (куломъ) у манана Бетема Канаева, и освобожденъ изъ неволи уже мною. Доказчикъ рассказывалъ Сауромбаю, что четырехъ лошадей Саликея украли три джигита Бетема; трехъ съѣли сами, а одну — отдали бію Байсабъ, сыну Бетема; это называется *ульджа*. Сауромбай, зная, что Киргизбай имѣетъ вражду на Бетема, сказалъ ему, чтобы онъ привелъ еще свидѣтелей и тогда Киргизбай объявилъ, что джигитъ Руѣстанбека Мухтабекова можетъ доказать всю правду. За первое указаніе о ворахъ Киргизбай долженъ былъ получить часть 80 рублей, что называется *кулокъ-сюинчи* (подарокъ за первый слухъ). Сауромбай не далъ ему ничего, а далъ 30 рублей бію Асылбеку изъ волости Киргизбая. Затѣмъ призванъ былъ

султанъ, который самъ былъ четвертымъ воровомъ. — Киргизбай пріятель Султана, и потому скрылъ участіе его въ воровствѣ. Султанъ видѣлъ, что дѣло плохо, такъ какъ вмѣстѣ съ джигитами Бетема воровомъ оказался и онъ, и понималъ, что если онъ измѣнитъ, то и они его выдадутъ. По этому онъ явился къ Сауромбаю съ повинной и привелъ ему верблюда (*тарту*). За тѣмъ онъ рассказалъ, что воровъ было четверо: трое джигитовъ Бетема и онъ, и что отдали въ ульджу одну лошадь бію Байсабъ, сыну Бетема. Дѣло объяснилось; такъ какъ Сауромбай получилъ верблюда (*тарту* — значитъ: *приди съ повинной*), то онъ обѣщалъ ходатайствовать съ своей стороны, чтобы біи смягчили приговоръ султану; это тоже въ обычаѣ у киргизъ. Послѣ того уже приступили къ рѣшенію дѣла. Біемъ выбранъ былъ Байсаба, получившій ульджу (часть добычи), и онъ приговорилъ, чтобы каждый воръ уплатилъ по 10 лошадей Саликею. Такой большой штрафъ былъ наложенъ Байсабой для того, чтобы Саликей не жаловался мнѣ, потому что при этомъ обнаружится взятая Байсабою ульджа. Султанъ также былъ приговоренъ къ уплатѣ 10 лошадей, но такъ какъ онъ отправилъ тарту къ Сауромбаю и доказалъ окончательно воровство, то ему было прощено пять лошадей и эти пять лошадей были оцѣнены въ 50 рублей, т. е. въ сюинчи, обѣщанную Киргизбаю и вмѣсто съ другими 5 лошадьми возвращены Саликею.

Такимъ образомъ изъ обѣщанныхъ Киргизбаю 80 рублей, 30 рублей получены за кулокъ-сюинчи его біемъ Асымбекомъ, а 50 рублей получилъ султанъ за окончательное доказательство воровства. Киргизбай же, настоящій доказчикъ, остался ни при чемъ, потому что кто же заступится за невольника?

Но Киргизбай обратился ко мнѣ съ жалобой и дѣло перешло на чрезвычайный съѣздъ. Кажется Киргизбай могъ надѣяться при уѣздномъ начальникѣ получить свои 80 рублей? Но увы!... уѣздный начальникъ связанъ § 200 Положенія, и долженъ молчать. Біи же, передъ которыми было открыто все дѣло, такъ какъ оно здѣсь написано, приговорили, чтобы султанъ заплатилъ Киргизбаю 10 рублей серебромъ, а Сауромбай — одну лошадь. Вотъ вамъ и 80 рублей!

Такова справедливость, которая существуетъ и въ настоящее время въ степи. Прежде родоправители грабили народъ на основаніи силы захвата, а теперь они ставятъ судебные приговоры, и слѣдовательно тоже грабятъ, но уже прикрываются русскимъ закономъ.

Третій случай: есть десяточникъ Кійке; у него въ десяткѣ числится киргизъ-ремесленникъ. Киргизы хитры на всякія выдумки, потому и этотъ ремесленникъ сочинилъ, что Бѣлый Царь освободилъ отъ податей всѣхъ ремесленниковъ, въ томъ числѣ и его. Народъ не признавалъ такой льготы и Кійке долженъ былъ добыть три рубля съ ремесленника, какъ онъ хочетъ.

Случилось, что этому ремесленнику былъ долженъ одинъ сартъ три рубля; не найдя ремесленника онъ отдалъ три рубля Кійке, говоря, чтобы онъ передалъ ихъ ремесленнику. Кійке воспользовался этимъ случаемъ и внесъ 3 рубля въ подать. Между тѣмъ ремесленникъ не хотѣлъ признать, что сартъ съ нимъ расплатился и требовалъ съ него вторично уплаты денегъ. Сартъ сталъ требовать съ Кійке отданные деньги и когда послѣдній не вернулъ трехъ рублей, то отобралъ у него быка. Кійке обратился къ біямъ, которые присудили чтобы сартъ заплатилъ Кійке пять быковъ. — Сартъ въ свою очередь сталъ на волостномъ съѣздѣ біевъ жаловаться, что онъ никакого быка отъ Кійке не получалъ, и не знаетъ за что съ него требуютъ пять быковъ? Изумленный Кійке доказываетъ свою правоту, но онъ бѣденъ и ничего не имѣетъ, кромѣ быка, отнятаго у него сартомъ. Біи присудили, чтобы за сарта ктонибудь принялъ оправдательную присягу и тогда Кійке заплатилъ ему пятнадцать быковъ. Сартъ разумѣется принесалъ присягающаго и Кійке приговоренъ къ уплатѣ пени. Этотъ случай такъ невѣроятенъ, что мнѣ откажутся вѣрить: какимъ образомъ дѣло, начавшееся о трехъ рубляхъ, кончилось пятнадцатью быками, до еще при такихъ обстоятельствахъ, а между тѣмъ это совершенно вѣрно, и приговоръ за семью печатями біевъ лежитъ у меня на столѣ.

Нелѣпность послѣдняго рѣшенія, потому такъ нагла, что оно было сдѣлано на волостномъ съѣздѣ, гдѣ не было никого изъ русскихъ; присутствіе же послѣднихъ, хотя и мало, но все таки гарантируетъ нѣкоторую справедливость.

Еще случай: два бія Бекбулатъ и Дауранъ были должны отдать четырехъ лошадей. Своихъ платить не хотѣлось, и надо было добыть бійлыкъ. Они учиняютъ такую штуку: захали въ аулъ Бекбулата двое киргизъ съ Даураномъ. Бекбулатъ, какъ хозяинъ, угостилъ ихъ бузой, а такъ какъ киргизы всегда въ проголодь, то они и напились бузы до оупьяненія. Напившись — поспорили, а поспоривши — подрались. На

(*). Мананы присвоили себѣ преимущество англійскихъ лордовъ: они во всякомъ случаѣ, не давая присяги, но простое свидѣтельство одного манана безъ присяги сильнѣе показанія даннаго кара-бухарой (черный народъ) подъ присягой. Я всегда, когда могъ, ломалъ это безобразное насиліе.

другой день Бекбулатъ и Дауранъ начали ихъ судить и приговорили, чтобы одинъ заплатилъ болѣе побитому девять лошадей (у него былъ выбитъ зубъ), а потерявшій зубъ заплатилъ бы 6 лошадей первому. Три лошади назначены въ бійлыкъ, и дѣлу конецъ! Бии получили трехъ лошадей, а киргизы остались вѣроятно очень довольны рѣшеніемъ, потому, что я не слышалъ, чтобы они жаловались.

Случаевъ, подобныхъ описаннымъ, можно представить много, если понадобится, но я полагаю, что на первый разъ довольно будетъ и этого.

Я имѣю смѣлость думать, что всѣ уѣздные начальники, которые по своей обязанности должны знать киргизскіе дразги, не скажутъ, что случаи, выбранные мною, были несправедливы или преувеличены. Также и люди, близко стоящіе къ народу, не отвергаютъ, что у киргизъ дразгъ не оберешься, и какъ удобно воспользоваться этими дразгами всякому злонамѣренному человѣку! Стало быть какая тутъ обширная практика для любителей мутной воды!

Изъ всего вышесказаннаго можно пожалуй вывести заключеніе, что самое лучшее было бы: снять у киргизъ право выборовъ и народный судъ. Но я не имѣю этого въ виду, и вотъ почему: какъ ни мало киргизы пользуются правомъ самоуправленія, и какъ ни низко стоитъ народный судъ въ смыслѣ справедливости, но мнѣ кажется, что отнимать у киргизъ это великое право будетъ также несправедливо, какъ и звездъ. Это значитъ сдѣлать шагъ назадъ, и къ тому же шагъ очень нехорошій! Напротивъ, мнѣ казалось бы, что мы, русскіе должны придти на помощь народу и научить его, какъ пользоваться дарованными ему благами. Народъ слабо развитъ, и, привыкшій къ вѣковому рабству и произволу, еще не можетъ сразу сбросить цѣпи и отрѣшиться отъ рабства. Но кто внимательно слѣдитъ за жизнью въ аулахъ, тотъ знаетъ, что киргизы съ каждымъ годомъ лучше усваиваютъ себѣ право выборовъ и это сказывается при вторичныхъ выборахъ, такъ что не много терпѣнья, помощи отъ русскихъ, и киргизы сбросятъ власть манановъ и султановъ и станутъ жить своею жизнью. Если чего киргизамъ не достаетъ, то это идеи справедливости; вотъ тутъ-то русская администрація можетъ и должна оказать помощь народу.

Русская администрація только одна имѣетъ возможность это сдѣлать и надо надѣяться, что она это сдѣлаетъ, не лишая народа права самоуправления, а только упрочивая его.

Для достиженія этой цѣли, надо ввести нѣкоторые измѣненія въ положеніи о судѣ биевъ и измѣнить роль уѣзднаго начальника, придавъ ей больше авторитета и возложивъ на нее больше ответственности. Упрощеніе суда биевъ необходимо сдѣлать въ инстанціяхъ подсудности. Киргизы не понимаютъ, когда они должны жаловаться бію, когда волостному съѣзду и когда некъ поддѣлать разбирательству чрезвычайнаго съѣзда. Они равно жалуются всякому начальнику, какъ о искѣ въ нѣсколько тысячъ, такъ и по дракъ двухъ пьняныхъ; чѣмъ начальникъ больше, тѣмъ охотнѣе киргизы жалуются ему. Въ этомъ смыслѣ они дѣйствуютъ на основаніи своихъ понятій о власти; они думаютъ, что каждый начальникъ сейчасъ-же рѣшитъ ихъ жалобу, и такъ какъ жалующійся пришелъ первымъ, то и рѣшеніе будетъ въ его пользу. Къ такому взгляду киргизъ приучила ихъ власть бековъ. Во вторыхъ, у киргизъ есть пословица: пойду жаловаться начальнику, отъ этого у меня лошадь не похудѣетъ, а можетъ быть, начальникъ окажетъ мнѣ милость. Поэтому киргизъ смѣло идетъ съ жалобой, какова бы она ни была, къ каждой власти. Не лишнее помнить, что киргизъ, при всякой жалобѣ лжетъ и по этому нужно быть крайне осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Я сказалъ уже, что киргизъ не понимаетъ градацій подсудности, такъ что ихъ нужно было бы упростить. Надобно также ограничить власть отдѣльныхъ биевъ, поставить съѣзды волостныхъ подъ болѣе контроль и измѣнить чрезвычайный съѣздъ биевъ въ постоянный, при уѣздномъ начальникѣ, который былъ бы предсѣдателемъ суда, или самъ, или его старшій помощникъ. При этомъ роль уѣзднаго начальника можетъ быть обусловлена ролью мировыхъ посредниковъ предъ волостными судами и сходками въ Россіи. Надобно, чтобы уѣздный начальникъ имѣлъ право, если не голоса, то veto какъ на постоянномъ судѣ биевъ, такъ и на волостныхъ и аульныхъ съѣздахъ.

Слѣдовало бы допустить киргизъ разбираться у отдѣльныхъ биевъ по всякому иску, но рѣшенія одного бия не слѣдуетъ признавать окончательнымъ ни въ какомъ случаѣ. Жалобы на рѣшенія отдѣльныхъ биевъ должны приноситься уѣзднему начальнику, и никто не имѣетъ право привести въ исполненіе свое рѣшеніе, если одна изъ сторонъ заявитъ свое неудоволь-

ствіе. Нарушеніе этого правила должно преслѣдоваться русскимъ судомъ.

Уѣздный начальникъ, получивъ жалобу, при чемъ непременно должна быть копія съ рѣшенія бия, опредѣляетъ куда направить истца: на волостной ли съѣздъ или на постоянный. Въ этомъ случаѣ можно положить, чтобы дѣла по убійству, дже-сыру (сватовству) и вообще все иски, на сумму больше 300 рублей, передавались непременно на чрезвычайный съѣздъ. Но нужно также предоставить уѣзднему начальнику право передать на рѣшеніе постоянного съѣзда всякое дѣло, если онъ признаетъ это нужнымъ. Такие случаи могутъ быть нерѣдки и зависятъ отъ положенія тяжущихся и отъ отношеній ихъ къ волостному съѣзду.

У уѣзднаго начальника должна быть книга, въ которой онъ записываетъ все жалобы, помѣчаетъ, куда онѣ направлены, и если жалоба была по небольшому иску и направлена на постоянный съѣздъ, что въ книгѣ должно быть оговорено, то почему такъ сдѣлано. Уѣздный начальникъ ведетъ списокъ жалобъ, подлежащихъ волостному съѣзду, по каждой волости; съѣзды эти должны собираться въ опредѣленное время, но непременно одинъ разъ въ мѣсяцъ; по окончаніи съѣзда волостной долженъ представить свою книгу на ревизію уѣзднему начальнику, который наблюдаетъ, чтобы все дѣла, посланные на съѣздъ, были разобраны и если этаго нѣтъ, то волостной обязанъ дать въ томъ отчетъ. Окончательныя рѣшенія должны быть исполнены не позже трехъ дней, а не окончательныя—не приводятся въ исполненіе до разсмотрѣнія ихъ постояннымъ съѣздомъ.

Такой порядокъ легче исполнить, потому что волостному управителю не трудно объяснить: когда рѣшеніе должно быть исполнено въ три дня и когда оно подлежитъ пересмотру постоянного съѣзда. Уѣзднему начальнику легче также слѣдить за ходомъ дѣлъ на волостныхъ съѣздахъ и принять своевременныя мѣры, чтобы съѣзды не безобразничали. Если уѣздный начальникъ будетъ поставленъ въ положеніе мирового посредника, то онъ всегда будетъ имѣть возможность сдѣлать это. Роль постоянного съѣзда опредѣляется тогда сама собой; отношеніе уѣзднаго начальника къ съѣзду также опредѣлится.

Положеніе и дѣятельность уѣзднаго начальника значительно измѣнится; на него ляжетъ не одна часть административная, но и руководство народомъ. Такая миссія потребуетъ отъ уѣздныхъ начальниковъ значительныхъ условій, какъ то: солиднаго образованія и развитія, не только научнаго, но и политическаго, потребуетъ характера, способнаго вести дѣло твердо, безъ колебаній.

Положеніе уѣзднаго начальника даетъ ему самостоятельность и широкую инициативу въ дѣйствіяхъ. Выборъ на должности значительно усложнится, но я думаю, что при нѣкоторыхъ условіяхъ всегда можно найти хорошихъ исполнителей. Развивъ такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе, необходимо учредить надъ нимъ контроль, который имѣлъ бы возможность повѣрять дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и направлять ихъ къ одной цѣли. Этотъ контроль долженъ быть одинъ, на весь край и по этому онъ долженъ находиться при генераль-губернаторѣ. Самое лучшее—Окружной судъ. Контроль могъ бы имѣть характеръ кассационный въ отношеніи постоянныхъ съѣздовъ, въ отношеніи же административномъ, можно было бы удовлетвориться контролемъ губернаторовъ; но при разногласіи губернатора и уѣзднаго начальника, послѣдній имѣетъ право обратиться къ совѣту центральной власти для рѣшенія споровъ и недоразумѣній. При этомъ условіи и въ административномъ отношеніи будетъ единство дѣйствій, котораго теперь нѣтъ.

При такомъ устройствѣ народныхъ дѣлъ, не было бы никакой надобности шокировать выборное начало и самосудъ; эти два существенныя блага русскіе закрѣпили бы за народомъ и оградили его дѣйствительно, а не на бумагѣ отъ грабежа родовичей и отъ всякаго насилія.

Трудно было бы приискать роль болѣе благородную, той, которая выпала бы такимъ образомъ на долю Россіи. Бояться развитія самоуправления едва ли можно, если представители русской власти, уѣздные начальники, соотвѣтствуютъ своему высокому положенію.

Г. Загряжскій.

О НЕФТЯНЫХЪ ИСТОЧНИКАХЪ ВЪ КОКАНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

Коканское ханство, ближайшее изъ независимыхъ, среднеазіатскихъ владѣній, имѣетъ значительную важность для Туркестанскаго края въ экономическомъ отношеніи. Кромѣ хлопка и шелка, составляющихъ уже предметъ эксплуатаціи туземцевъ и русскихъ промышленниковъ,

подписка принимается:

Въ Ташкентѣ.—въ конторѣ редакціи, (проездъ Окружнаго Штаба, д. Домашнева) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Бабунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

22-го МАРТА

№ 9.

1871 ГОДА.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою

на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

По поводу замѣтокъ „о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ“, помѣщенныхъ въ № 2 Туркестанскихъ вѣдомостей.

Читателямъ, знакомымъ хорошо съ Проектомъ Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сырѣ-Дарьинской областяхъ, я позволю себѣ, въ дополненіе къ статьѣ г. Загряжскаго, только доставить свѣдѣнія о результатѣ народнаго суда у киргизъ, по введеніи въ дѣйствіе распоряженія генераль-губернатора объ избраніи въ каждомъ аулѣ особаго бія, — о чемъ г. Загряжскій отказался судить. Публикѣ же, не знакомой съ Проектомъ Положенія и объяснительной къ нему запиской, не знающей, что требуется отъ киргизскаго суда и какъ требованіе должно достигаться, сообщу свѣдѣнія, которыя послужатъ къ объясненію мѣстъ статьи г. Загряжскаго, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Г. Загряжскій называетъ степень, на которой находится въ настоящее время народный судъ у кара-киргизъ, — низкою.

Чтобы убѣдиться, на сколько это такъ, нужно судъ, каковъ онъ есть въ настоящее время у кара-киргизъ, сравнить съ тѣмъ, какимъ онъ долженъ быть по Проекту Положенія. Результатъ этого сравненія усмотрится изъ слѣдующаго:

Названіе «народнымъ» суда, вѣдающаго гражданскіе иски киргизъ между собой, показываетъ, что Проектомъ Положенія не затронуты обычаи, вліяющіе на результатъ этого суда; не затронуты же они потому, что для киргизъ, стоящихъ еще на весьма низкой степени цивилизаціи, былъ бы непонятенъ и жестокъ судъ русскій, а между тѣмъ судъ по обычаямъ нисколько не препятствуетъ достиженію главной задачи всякаго суда: разрѣшать иски такъ, чтобы тяжущіяся стороны оставались довольными. Рѣшившись оставить киргизамъ судъ по обычаямъ, Проектъ Положенія гласитъ: если воровство у киргизъ наказывается по обычаю возвратомъ украденнаго и штрафомъ, безъ лишенія вора свободы, то пусть такъ и будетъ, — дѣло только въ томъ, чтобы штрафъ былъ взысканъ съ того, съ кого слѣдуетъ; если убійца по народному обычаю платитъ кунъ (*), то пусть и будетъ такъ, но чтобы только онъ не увернулся отъ платежа, и т. д.

Вотъ основаніе народнаго суда у киргизъ.

Послѣ этого понятно, что только за рѣшенія по обычаямъ, хотя бы и дивимъ, народный судъ нельзя признать стоящимъ на низкой степени и если г. Загряжскій считаетъ его такимъ, то вовсе не за допущеніе вліянія на судъ народныхъ обычаевъ, а за то, что онъ не удовлетворяетъ главной цѣли всякаго суда: чтобы отвѣчалъ виноватый, а не правый. Такъ какъ народный судъ у кара-киргизъ не удовлетворяетъ этому, то, конечно, ниже этой степени нельзя имѣть суда и оставлять его въ такомъ видѣ, не приходится.

Чтобы видѣть, отчего это происходитъ, и какъ можно возстановить судъ у кара-

(*) Денежное, или имущественное вознагражденіе наследниковъ убитаго.

киргизъ, разберемъ причины, указанныя г. Загряжскимъ, и степень ихъ отстранимости.

Г. Загряжскій главнымъ образомъ относитъ это къ тому, что народъ не понимаетъ силы выборнаго начала и потому позволяетъ своимъ родоначальникамъ самимъ выбирать должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и бievъ, а родоначальники при выборѣ этихъ лицъ заботятся о своемъ интересѣ и дѣлаютъ бiями людей несправедливыхъ.

Это не совсемъ такъ. Дѣйствительно, киргизы еще не понимаютъ выборнаго начала и потому безъ борьбы отдали своимъ родоначальникамъ право указать себѣ бievъ. Но кто виноватъ, что родоначальникамъ было дозволено воспользоваться этою довѣрчивостію народа, тогда какъ помѣшать тому было не трудно: стоило только въ точности соблюсти всѣ порядки закрытой баллотировки, до окончанія которой изолировать выборныхъ, которымъ принадлежитъ право избранія бievъ, отъ людей вліятельныхъ; вѣдь § 200 этого не воспрещаетъ и если въ Проектѣ Положенія не сказано, что уѣздный начальникъ долженъ соблюдать это, то развѣ непомѣщеніе такихъ подробностей въ Проектѣ Положенія можетъ оправдать уѣзднаго начальника, что онъ не сдѣлалъ этого, тѣмъ болѣе, если ему было извѣстно, что вліятельные люди собрались воспользоваться незнаніемъ народа сущности выборовъ и незаслуженнымъ его довѣріемъ къ себѣ. Вѣдь говоритъ же г. Загряжскій, и говоритъ непреложную истину, что не смотря на § 200, даже въ судѣ возможно вліяніе представителя русской власти «и даже возможно нарушеніе киргизскаго суда, безъ всякой за то отвѣтственности. Все зависитъ отъ случая, отъ личныхъ отношеній, но не отъ закона.»

И такъ, при доставленіи возможности родоначальникамъ давать народу несправедливыхъ бievъ, народный судъ у киргизъ становится уже не совсемъ такимъ, какимъ начерталъ его Проектъ Положенія.

Но и при одномъ только допущеніи къ должностямъ бievъ не тѣхъ лицъ, которыхъ избралъ бы самъ народъ, судъ все таки еще могъ быть поставленнымъ достаточно высоко, такъ какъ для доведенія его до безобразныхъ результатовъ родоначальникамъ и людямъ вліятельнымъ въ ордѣ еще необходимо было: во 1-хъ) поддерживать выведенныхъ ими въ бiи людей въ повинненіи къ себѣ, почти рабствѣ, и во 2-хъ) присвоить себѣ мѣсто въ ряду бievъ, чтобы въ случаѣ особенной надобности, даже не полагаясь на нихъ, самимъ рѣшать дѣла. Что это родоначальниками достигнуто съ успѣхомъ, свидѣтельствуетъ самъ г. Загряжскій, а послѣ его свидѣтельства и я позволяю себѣ подтвердить тоже, на основаніи свѣдѣній, что дѣла, называющіяся рѣшенными бiями, на самомъ дѣлѣ были рѣшены лицами, могущими составлять только зрителей суда, но не судей.

Что помѣшало уѣздному начальнику, въ случаѣ утвержденія въ должности бievъ, поставленныхъ родоначальниками, растолковать имъ (бiямъ) ихъ значеніе и независимость, приобретенныя съ выборомъ ихъ на должности и оградить ихъ затѣмъ отъ корыстнаго вліянія на нихъ родоначальниковъ,—не знаю; объ этомъ авторъ замѣтокъ ничего не говоритъ. Еще меньше понятно, почему не возбранялось у каракиргизъ принимать въ судѣ непосредственное участіе, въ качествѣ судей, не имѣющимъ на то никакого права родоначальникамъ и людямъ богатымъ?

Хотя г. Загряжскій не объясняетъ, что помѣшало поставить бievъ внѣ вліянія и зависимости отъ родоначальниковъ и воспретить послѣднимъ засѣдать въ судѣ, но нельзя сомнѣваться, что законное требованіе по этому предмету и настойчивость, если бы таковыя были со стороны русской власти, одержали бы верхъ и это, помимо даже толкованій народу о выборномъ началѣ, познакомило бы его съ важностью присвоеннаго ему права избранія бievъ, а у родоначальниковъ, которые ошиблись бы въ расчетахъ на своихъ креатуръ, очутилось бы меньше силы и охоты удерживать за собою захваченное у народа право.

Что возможно устроить съѣздъ бievъ такъ, чтобы, кромѣ бievъ, никто на нихъ не принималъ участія въ разборѣ дѣлъ, я смѣю утверждать по опыту на съѣздахъ въ 4 волостяхъ Копальскаго уѣзда, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Чтобы поднять упавшій народный судъ у каракиргизъ, г. Загряжскій предлагаетъ: 1) измѣнить роль уѣзднаго начальника, придавъ ей больше авторитета. 2) «Упрощеніе суда бievъ необходимо сдѣлать въ инстанціяхъ подсудности. Киргизы не понимаютъ, когда они должны жаловаться бiю, когда волостному съѣзду и когда искъ подлежитъ разбирательству чрезвычайнаго съѣзда. Они равно жалуются всякому начальнику, какъ о искѣ въ нѣсколько тысячъ, такъ и по дракѣ двухъ пьяныхъ, и т. д.» 3) Сообразно этому сдѣлать и другія введенія.

Что касается перваго измѣненія, то съ необходимостью его и пользою нельзя согласиться. Какъ видно до сего, и будетъ видно изъ послѣдующаго, и сколько можетъ показать опытъ, для высшаго положенія народнаго суда допустить вмѣшательство уѣзднаго начальника въ разбирательство дѣлъ—нѣтъ надобности; увеличить же отвѣтственность его за неограженіе суда отъ вліянія родоначальниковъ и людей богатыхъ—необходимо.

До сихъ поръ нѣкоторые уѣздные начальники не слишкомъ-то стѣснялись § 200 о невмѣшательствѣ въ народный судъ, что и отразилось уже на доброкачественности суда обратно пропорціонально степени ихъ вмѣшательства. Можно нарушать § 200 и даже не отвѣчать за это, говоритъ г. Загряжскій, ибо «все зависитъ отъ случая, отъ личныхъ отношеній, но не отъ закона.» При такихъ условіяхъ слѣдуетъ желать, чтобы благоприятные для нарушенія закона «случаи» были по возможности рѣже, чего конечно не будетъ, если бы первое предложеніе г. Загряжскаго возымѣло примѣненіе. Кромѣ того, при оставленіи киргизамъ суда народнаго, на долю уѣзднаго начальника должно, и помимо разбирательства дѣлъ, выпадать не мало занятій по сформированію суда и поддержанію въ немъ порядка, съ чѣмъ дай Богъ только управиться.

Второе предложеніе г. Загряжскаго: объ упрощеніи суда, еще менѣе кажется необходимымъ: киргизы, гдѣ дѣло касается ихъ интереса, такъ внимательны и понятливы, что достаточно имъ увидѣть нѣсколько разъ какимъ путемъ получаютъ удовлетворенія, чтобы не забыть того никогда,—конечно, если ихъ не будетъ сбивать съ толку самъ уѣздный начальникъ, назначая для каждаго иска особую степень суда.

Что проще суда, имѣющаго для большинства дѣлъ только двѣ степени и для рѣдкихъ дѣлъ (свыше 1000 руб.) третью степень? По Проектѣ Положенія, до измѣненія въ немъ объ аульныхъ бiяхъ, въ волости избиралось отъ 4 до 8 бievъ и порядокъ суда долженствовалъ быть такимъ:

I) Истецъ на сумму до 100 рублей идетъ къ любому изъ бievъ волости отвѣтчика и проситъ разобрать дѣло; если отвѣтчикъ согласенъ принять рѣшеніе того бiа, то судится у него и приговоръ бiа окончательный, если же не желаетъ, то можетъ отказаться отъ суда у двухъ даже, одного за другимъ ему предложенныхъ истцомъ, бievъ и тогда рѣшеніе третьяго бiа, указаннаго истцомъ, изъ числа бievъ волости отвѣтчика, для сторонъ обязательно.

II) На сумму до 1000 рублей истецъ жалуется съѣзду бievъ волости отвѣтчика и рѣшеніе съѣзда окончательно.

III) На сумму болѣе 1000 рублей дѣло рѣшается окончательно на чрезвычайномъ съѣздѣ бievъ уѣзда или даже двухъ уѣздовъ.

Измѣненія, послѣдовавшія по распоряженію г. Туркестанскаго генераль-губернатора относительно аульныхъ бievъ, еще упростили народный судъ и порядокъ этого упрощеннаго суда таковъ:

I) На всякую сумму предварительно разбираетъ дѣло бiи аула отвѣтчика; если одна изъ сторонъ рѣшеніемъ его осталась недовольною, дѣло переносится на волостной съѣздъ бievъ волости отвѣтчика, гдѣ искъ до 1000 рублей и разрѣшается окончательно.

II) Волостной и чрезвычайный съѣзды

измѣнены только тѣмъ, что число бievъ на нихъ, вслѣдствіе увеличенія ихъ числа въ волости, увеличивается.

Что тутъ для киргизъ непонятнаго? Конечно, если киргиза не удовлетворитъ одинъ бій, откажется рѣшить дѣло съѣздъ бievъ или на съѣздѣ будутъ засѣдать родоначальники или сами отвѣтчики, то киргизъ станетъ жаловаться всякому провѣзжающему по уѣзду начальнику и ронять на несправедливость. Если бы киргизъ не видѣлъ той неровности, которая происходитъ отъ вмѣшательства въ судъ тѣхъ, кому не слѣдуетъ, а видѣлъ бы, напротивъ, что порядокъ, къ которому нужно привыкать, поддерживается уѣзднымъ начальникомъ неотступно, то и онъ пріучилъ бы себя къ порядку и постигъ бы всѣ градаціи суда, особенно, если бы испыталъ на практикѣ, что для него нѣтъ исключеній, что законъ для всѣхъ одинъ и тотъ же и не зависитъ «отъ личныхъ отношеній» и, какъ говоритъ г. Загряжскій, «отъ случая».

Хотя г. Загряжскій и приписываетъ кара-киргизамъ непониманіе градаціи суда, но это невѣрно; киргизы понимаютъ ихъ, но не видятъ, чтобы градаціи эти имѣли какое нибудь значеніе на практикѣ, такъ какъ онѣ нарушаются самимъ уѣзднымъ начальникомъ, что видно и изъ втораго, приведеннаго г. Загряжскимъ примѣра, гдѣ искъ киргиза Киргизбая, на сумму 80 рублей, былъ переданъ на разбирательство чрезвычайнаго съѣзда, тогда какъ, по Проекту Положенія и согласно порядка, въ незнаніи котораго г. Загряжскій упрекаетъ киргизъ, искъ этотъ долженъ былъ разбираться:

а) Если дѣло было доведенія аульных бievъ и если отвѣтчикъ киргизъ, то у одного бія волости отвѣтчика и разрѣшиться имъ окончательно, безъ права аппеляціи на волостномъ съѣздѣ.

б) Если же этотъ искъ возникъ послѣ введенія аульных бievъ, то, въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ на рѣшеніе аульнаго бія, дѣло могло перейти на волостной съѣздъ, гдѣ и окончиться.

в) Если отвѣтчикъ по иску Киргизбая не киргизъ и не приписанъ къ волости, дѣло могло разбираться у русскаго судьи или народнымъ судомъ, въ последнемъ случаѣ не переходя волостнаго съѣзда.

Не упоминая въ своихъ замѣткахъ, въ силу чего для Киргизбая было нарушено основное правило суда, авторъ говоритъ: «кажется Киргизбай могъ надѣяться при уѣздномъ начальникѣ получить свои 80 р? Но увы!... уѣздный начальникъ связанъ § 200 Положенія и долженъ молчать.»

Мнѣ же кажется напротивъ, что Киргизбай долженъ былъ рассчитывать, что чрезвычайный съѣздъ его жалобу не приметъ, какъ не подлежащую этой инстанціи суда.

Приводя послѣ этаго слѣдующія слова г. Загряжскаго: «у кара-киргизъ дразгъ «не оберешься, и какъ удобно воспользоваться этими дразгами всякому злонамѣренному человеку! Стало быть какая тутъ «обширная практика для любителей мутной воды,» нельзя не замѣтить, что всѣ дразги эти есть весьма естественное послѣдствіе чисто математическаго расчета понятливыхъ киргизъ: если Киргизбай, прикинувшись лазаремъ передъ уѣзднымъ начальникомъ, достигъ того, что для него нарушенъ законъ и неправильное рѣшеніе чрезвычайнаго съѣзда (съѣздъ этотъ не имѣлъ права рѣшать иска на сумму 80 рублей) приведено въ исполненіе, то отъ чего, думаетъ другой киргизъ, не попытаться у губернатора? Онъ постарше, такъ не рѣшитъ ли мое дѣло самъ въ мою пользу?»

Такъ вотъ, гдѣ причины дразгъ, въ которыхъ, въ другомъ мѣстѣ своихъ замѣтокъ, г. Загряжскій винитъ давно усопшихъ бековъ и ясное, какъ день, доказательство, что кара-киргизы не «непонимаютъ» градаціи суда, а ихъ вовсе не существуетъ у кара-киргизъ, потому что «возможно нарушеніе киргизскаго суда, безъ всякой даже «отвѣтственности,» какъ говоритъ и подтверждаетъ примѣромъ г. Загряжскій.

Выставленнаго на видъ въ замѣткахъ г. Загряжскаго третьяго примѣра суда надъ десятникомъ Кійке я не буду касаться; иначе пришлось бы задѣть другой, серьезный предметъ народнаго самоуправленія: раскладку подати, которая, какъ видно изъ дѣла Кійке, находится у кара-киргизъ въ такомъ же жалкомъ видѣ, какъ и судъ. Кійке не имѣлъ никакого права распоряжаться деньгами киргиза ремесленника, хотя бы и для внесенія ихъ въ подать, потому что всякій юртовладѣлецъ обязанъ вручать подать тому, у кого находится раскладочный листъ, засвидѣтельствованный всѣми выборными отъ 10 юртъ, а листъ этотъ никакими судьями не могъ быть у Кійке, такъ какъ онъ не аульный старшина. Кійке, какъ выборный отъ десяти юртъ, обязанъ подать на аульномъ сходѣ свой голосъ, съ кого сколько взыскать подати въ аулѣ и за тѣмъ—знать только себя. Что Кійке виноватъ и за неблагоприятный поступокъ подлежалъ уплатѣ

болѣе, чѣмъ трехъ рублей, это и Кійке самъ понимаетъ. Если же съ него, вслѣдствіе разныхъ комбинацій, взыскано не въ мѣру и это можетъ свидѣтельствовать о несправедливости судей, то изъ случая съ Кійке въ тоже время нельзя не замѣтить, что порядки и по взиманію подати у кара-киргизъ не лучше, чѣмъ въ судѣ, въ чемъ должно быть тоже беки виноваты.

О судѣ, по введеніи въ него аульных бievъ, на основаніи видѣннаго мною въ Копальскомъ уѣздѣ, могу утвердительно сообщить, что это чрезвычайно упростило судъ. Хотя и рождалось было вначалѣ предположеніе, что бій, рѣшая дѣла по искамъ постороннихъ киргизъ на своихъ сосѣдей одноаульцевъ будетъ въ большинствѣ случаевъ несправедливъ, но это грустное предположеніе нисколько не оправдалось, и вотъ почему: бій за рѣшеніе, которымъ довольны обѣ тяжущіяся стороны, получаетъ въ вознагражденіе $\frac{1}{2}$ иска; въ случаѣ же неудовольствія одной изъ сторонъ, дѣло поступаетъ на волостной съѣздъ и $\frac{1}{2}$ иска дѣлится между рѣшавшими дѣло биями; это обстоятельство понуждаетъ аульных бievъ рѣшать дѣла такъ, чтобы тяжущіеся оставались довольными, а онъ—вознагражденнымъ; кромѣ того, какъ бію, такъ и отвѣтчику извѣстно, что снисходительное не въ мѣру рѣшеніе аульнаго бія все равно измѣнится на волостномъ съѣздѣ и это придаетъ бію рѣшимость отнестись къ своему одноаульцу построже, а отвѣтчику—помириться съ мыслью, что возмездіе не избѣжно и если его слишкомъ пощадить свой бій, то дѣло перейдетъ на волостной съѣздъ, а тамъ съ нимъ не поцеремонятся.

Для большей точности этого суда, по распоряженію военнаго губернатора Семирѣченской области, тамъ былъ введенъ такой порядокъ: истецъ идетъ съ жалобой къ бію аула отвѣтчика, который разбираетъ дѣло и произноситъ приговоръ; затѣмъ спрашиваетъ тяжущихся, довольны ли они и если они говорятъ, что довольны, то бій вписываетъ рѣшеніе въ книгу, заставляетъ приложить въ книгу тамги, а кромѣ того, проситъ кого нибудь изъ присутствующихъ, непременно изъ людей, пользующихся довѣріемъ, засвидѣтельствовать въ книгѣ, что обѣ тяжущіяся стороны остались рѣшеніемъ довольны и собственноручно приложили въ книгу тамги. Затѣмъ отрываетъ отъ тетради заготовленныхъ бланковъ одинъ листокъ, пишетъ на немъ копію съ рѣшенія, означая и время расчета и отдаетъ истцу, при чемъ напоминаетъ ему, что въ случаѣ неполученія отъ отвѣтчика означеннаго въ копіи, слѣдуетъ копію показать аульному старшинѣ, который приговоръ обязанъ привести въ исполненіе. Затѣмъ, происходитъ расчетъ тяжущихся въ присутствіи какого нибудь должностнаго лица, хотя бы и чужой волости, которое на оборотѣ копіи свидѣтельствуется, что расчетъ произошелъ въ его присутствіи; послѣ чего отвѣтчикъ, отобравъ отъ истца эту копію, отдаетъ ее бію, рѣшавшему дѣло, а бій копію пришиваетъ къ тому листку тетради бланковъ, отъ котораго листокъ для копіи былъ оторванъ. Если одна изъ сторонъ недовольна рѣшеніемъ аульнаго бія, то послѣдній рѣшенія въ книгу не записываетъ, а даетъ истцу билетъ (на кусочкѣ бумаги, около квадратнаго вершка) съ слѣдующей надписью: «такой-то и такой-то отправляются на съѣздъ» и свидѣтельствуется эти слова своей печатью. Тогда истецъ бережетъ этотъ билетъ до открытія волостнаго съѣзда въ волости отвѣтчика, и тамъ, по предъявленіи волостному управителю билета, допускается къ суду, гдѣ дѣло, не свыше 1000 рублей, рѣшается окончательно.

Порядки эти привели въ восторгъ киргизъ Копальскаго уѣзда и до того скоро изучились ими, что только самые непонятливые киргизы сбивались въ порядкѣ, какимъ слѣдуетъ искать удовлетвореніе; но и этимъ непонятливымъ, при открытомъ судѣ, всегда кто нибудь подскажетъ, кому слѣдуетъ сперва жаловаться, что получить въ какомъ случаѣ отъ бія, и какъ потомъ справиться съ должникомъ, если онъ запрямится платить.

Эти порядки гораздо проще предлагаемыхъ г. Загряжскимъ, ибо здѣсь нѣтъ надобности въ томъ, что предлагаетъ г. Загряжскій слѣдующими словами: «уѣздный «начальникъ, получивъ жалобу, при чемъ «непремѣнно должна быть копія съ рѣшенія бія, опредѣляетъ куда направить истца: на волостной ли съѣздъ или на по-«стоянный». Я нахожу это неудобнымъ, потому, что такой порядокъ заставитъ киргиза, недовольнаго рѣшеніемъ аульнаго бія, ѣхать къ уѣздному начальнику, можетъ быть за сотни верстъ, для того, чтобы получить указаніе, что дѣло его должно разбираться на волостномъ съѣздѣ, что ему и безъ того должно быть извѣстно; а между тѣмъ, черезъ поѣздку, онъ можетъ упустить время съѣзда. Такъ какъ волостные съѣзды чаще одного раза въ годъ устраивать неудобно, то черезъ этотъ порядокъ придется или ждать цѣлый годъ, или раз-

бираться на постоянномъ, предлагаемомъ г. Загряжскимъ съездѣ, что опять таки неудобно тѣмъ, что придется изъ разныхъ сторонъ вызывать отвѣтчика и свидѣтелей.

«У уѣзднаго начальника должна быть книга, въ которой онъ записываетъ всѣ жалобы, помѣчаетъ куда онѣ направлены и если жалоба была по небольшому иску и направлена на постоянный съездъ, что въ книгѣ должно быть оговорено, то по чему такъ сдѣлано», предлагаетъ г. Загряжскій.

Уѣздному начальнику никто не мѣшаетъ и теперь имѣть списки жалобъ и дѣлать помѣтки; но это такая работа, для которой онъ не можетъ имѣть времени заняться самъ; а коль скоро онъ поручитъ кому нибудь другому, такъ и считай дѣло пропавшимъ.

Поэтому, не лучше ли разъ навсегда назначить время съездовъ для каждой волости и уѣздному начальнику явиться туда для поддержанія тамъ порядка, не интересуясь даже: въ чемъ заключаются иски, а наблюдая лишь, чтобы они разрѣшались законнымъ путемъ; отъ тѣхъ же киргизъ, которые не предъявляли своихъ исковъ съезду, жалобъ совсѣмъ не принимать, а предлагать имъ только не пропустить слѣдующій съездъ. Самому же, въ предупрежденіе несправедливыхъ рѣшеній бievъ, принимать мѣры къ тому, чтобы въ число бievъ поступали лица только по самой строгой баллотировкѣ, а не по назначенію какаго нибудь Роскулбека, и чтобы вліятельныя лица въ дѣлѣ суда не имѣли никакого значенія; тогда волостной съездъ будетъ достаточно сильной гарантіей справедливости, въ ученіи которой киргизы рѣшительно не нуждаются, имѣя указателемъ справедливости обычай, какъ истцу, такъ и отвѣтчику дорогіе.

Мнѣ могутъ замѣтить, что волостей въ уѣздѣ много, а уѣздный начальникъ одинъ, слѣдовательно присутствовать на каждомъ волостномъ съездѣ у него не достанетъ времени. Конечно, первое время, когда у народа накопилось безчисленное множество исковъ, съездъ каждой волости не можетъ оканчиваться скоро; но это потому, что всѣ истцы сразу кинутся на съездъ, чтобы воспользоваться такимъ случаемъ, не довѣряя будущему; если же съезды для каждой волости будутъ назначаться ежегодно, то терпѣливые истцы сами не поторопятся на съездъ, въ надеждѣ на сдѣлку и помимо суда, и съездъ каждой волости продлится не больше мѣсяца; а если отыскать въ уѣздѣ центры группъ, изъ пяти, шести волостей и на нихъ устроить въ одно время волостные съезды разныхъ волостей, то на этотъ предметъ потребуются времени въ 5—6 разъ меньше. Если же вести судъ на этихъ съездахъ, какъ слѣдуетъ, то большинство дѣлъ и не дойдетъ до волостныхъ съездовъ, разрѣшаясь окончательно у аульных бievъ. Объ этомъ сузу по приѣзду: въ Копальскомъ уѣздѣ волостные съезды самыхъ кляузныхъ волостей: Арасанской и Биенкуяндинской, (и притомъ первые съезды со времени дѣйствія Проекта Положенія) занимавшіеся самыми старыми тяжбами, для того, чтобы исчерпать всѣ жалобы, продолжались одинъ мѣсяць.

Не соглашаясь съ г. Загряжскимъ въ пользѣ измѣненій въ народномъ судѣ, согласно его предложеній, я остаюсь при мнѣніи, что судъ, если отъ него не отнимается право быть народнымъ, не требуетъ за сдѣланнымъ уже распоряженіемъ генераль-губернатора объ избраніи аульных бievъ, никакихъ измѣненій для того, чтобы быть совершенно удовлетворительнымъ.

Чтобы оградить судъ съезда бievъ отъ вмѣшательства въ него вліятельныхъ киргизъ и дать ему болѣе приличный, внушающій уваженіе видъ, по распоряженію военнаго губернатора Семирѣченской области было соблюдаемо на волостныхъ съездахъ Арасанской и Биенкуяндинской волостей (въ Копаль) и въ Верхне-Кара-тальской и Горно-Джалаировской (на Карабулакѣ) слѣдующее: мѣсто суда каждой волости было обведено чертою, переступать которую для зрителей суда воспрещалось; въ кругу, кромѣ бievъ одной волости, находились только тяжущіеся и свидѣтели,—последніе по вызову бievъ; не только лицамъ вліятельнымъ, но и должностнымъ, какъ-то: аульнымъ старшинамъ, волостнымъ управителямъ и биямъ (биямъ, конечно, другихъ волостей) исключеній въ этомъ не дѣлалось; наблюдалось, чтобы всякое рѣшеніе записывалось въ книгу, пока тяжущіеся находились въ кругу, передъ биями и истцу выдавалась копія; наблюдалось, чтобы аульные старшины и волостные управители, по предъявленіи имъ копій съ рѣшеній, немедленно приводили рѣшенія въ исполненіе; предлагалось громко зрителямъ быть внимательными къ суду и изучать бievъ, чтобы знать для будущихъ выборовъ, кто изъ нихъ честенъ и кто несправедливъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалось поползновеніе одного или нѣсколькихъ бievъ, на съездахъ въ Копаль, отнестись къ дѣлу не съ должной справедливостью,

посылался джигитъ на базаръ сообщить тамъ празднующимся, что на съездѣ той или другой волости разбирается интересное дѣло, что увеличивало число зрителей суда.

Благопріятный результатъ такого порядка не замедлил обнаружиться.

Между киргизами Копальскаго уѣзда, какъ и между кара-киргизами Токмакскаго уѣзда, есть люди вліятельные, какъ до введенія въ дѣйствіе Проекта Положенія, такъ и послѣ того уклонявшіеся платить по долговымъ обязательствамъ и за разные насилія и продолжавшіе дѣлать ихъ вновь. Одолѣть этихъ людей заставить расплатиться съ народомъ—было задачей, которую могъ разрѣшить только слишкомъ высоко поставленный судъ; поэтому, болѣе или менѣе успѣшное разрѣшеніе такой задачи можетъ лучше или хуже аттестовать судъ. Имѣя такимъ образомъ мѣрило, для опредѣленія степени, на которой стоитъ судъ, посмотримъ, какъ принялся за эту задачу и какъ разрѣшилъ ее судъ, съ порядками, введенными на волостныхъ съездахъ Копальскаго уѣзда военнымъ губернаторомъ Семирѣченской области, гдѣ невмѣшательство русской власти въ разборъ дѣлъ было поставлено первымъ пунктомъ:

Когда, при неотступномъ соблюденіи на волостныхъ съездахъ вышеозначенныхъ порядковъ, было разрѣшено нѣсколько исковъ на киргизъ невліятельныхъ, стали появляться на судѣ бывшіе джигиты вліятельныхъ лицъ: Есенбека, Танике, Толкуна и другихъ. Привыкнувъ обходиться съ биями за панибрата и даже самимъ соваться въ рѣшеніе дѣлъ, джигиты эти, очутясь на судѣ въ качествѣ отвѣтчиковъ, попробовали было усѣсться рядомъ съ биями, но имъ приказано было пересѣсть противъ бievъ, рядомъ съ истцами. Это, по видимому не важное обстоятельство, привело публику въ восторгъ; бii начали смѣлѣе спрашивать тяжущихся, число зрителей увеличивалось. Съ каждымъ днемъ, въ теченіи мѣсяца, что продолжался съездъ, джигиты—бывшіе пугала народа,—стали появляться на судѣ волостнаго съезда все чаще и чаще, не смотря на то, что значительное число исковъ на нихъ было разрѣшаемо окончательно аульными биями, а часть исковъ, вслѣдствіе добровольной сдѣлки съ претендателями, изъ опасенія суда, и не заявлялась ни аульному бию, ни съезду. Видя исходъ исковъ на джигитовъ, публика попыталась искать и на самихъ родоначальниковъ; дѣло дошло до Есенбека, Танике, бывшаго волостнымъ управителемъ, Толкуна и проч.; потянули этихъ господъ сперва къ аульнымъ биямъ, а потомъ и на волостной съездъ. Мало по малу вѣсть о томъ, что Есенбекъ, Танике, Толкунъ и друг. присуждаются къ платежу и немедленно уплачиваютъ по копьямъ съ рѣшеній, разнеслась по уѣзду и эти тузы Копальскаго уѣзда все чаще и чаще стали показываться на судѣ; наконецъ, они перестали сходить съ мѣстъ обвиненныхъ, потому что вслѣдъ за однимъ истцемъ сидѣлся противъ бievъ, рядомъ съ ними, другой истецъ. Привыкая видѣть передъ собою вліятельныя лица въ роли отвѣтчиковъ, бii постепенно входили въ роли настоящихъ судей и, какъ въ большинствѣ случаевъ иски видимо подтверждались, то имъ ничего не оставалось, какъ только осуждать виноватыхъ. Вліятельные киргизы, непривыкшіе уплачивать ни долговъ, ни того, что отобрано силой, увидя, что снисходительное рѣшеніе аульнаго бия приводитъ ихъ на волостной съездъ, а тамъ можно увернуться только въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ свидѣтелей, помирились съ мыслью о необходимости расчитаться съ обиженными и сами, добровольно расплачиваясь съ большинствомъ истцевъ, судились только съ болѣе требовательными изъ нихъ. Во время съезда (*) Арасанской и Биенкуяндинской волостей, съ 25 августа по 11 сентября, рѣшено аульными биями и съездами этихъ двухъ волостей всего 576 дѣлъ; въ томъ числѣ, по искамъ на одиннадцать, болѣе задорныхъ и вліятельныхъ лицъ этихъ волостей, какъ-то: Есенбека, Танеке, Толкуна и проч. заключается 210 дѣлъ, до послѣдняго разрѣшенныхъ такъ, что тяжущіеся остались довольными (**).

Нѣтъ сомнѣнія, что у Есенбека, судившагося на съездѣ по 28 дѣламъ, и у Толкуна — по 42 дѣламъ, остается, можетъ быть, еще столько же неудовлетворенныхъ кредиторовъ, но это уже не вина волостныхъ съездовъ, а произошло по всей вѣроятности отъ того, что кредиторы повѣрили обѣщанію должниковъ, что будутъ удовлетворены помимо суда; если обѣщаніе это не будетъ исполнено, то на слѣдующемъ съездѣ и эти иски предъявятся; путь къ полученію удовлетворенія извѣстенъ, останется только дожидаться съезда.

Вотъ результатъ суда на точномъ осно-

(*) Хотя съезды Арасанской и Биенкуяндинской волостей происходили въ одно время, но каждый изъ нихъ дѣйствовалъ и помѣщался отдѣльно.

(**) Можетъ быть отвѣтчики въ душѣ и недовольны, но это не на рѣшенія, а на то, что состоялся такой съездъ, гдѣ для случаевъ и личныхъ отношеній не было мѣста.

ваніи Проекта Положенія, съ однимъ только измѣненіемъ, по распоряженію Туркестанскаго генералъ - губернатора, относительно аульныхъ біевъ, съ полнымъ невмѣшательствомъ въ разбирательство дѣлъ русской власти и съ порядками, относительно внѣшней формы суда, введенными Семирѣченскимъ военнымъ губернаторомъ.

Если судъ этотъ можетъ достигать того, что тяжущіеся имъ довольны, то чего остается желать еще?

Конечно, нѣкоторыя рѣшенія, хотя обѣ тяжущіяся стороны и довольны ими, могутъ показаться европейцу дикими, но это не вина суда, коль скоро онъ народный, т. е. судъ по обычаямъ.

И такъ, читатель, незнакомый съ Проектомъ Положенія, надѣюсь, увидитъ изъ вышесказаннаго отчего судъ, дающій хорошіе результаты, можетъ обратиться въ такой, какимъ его рисуешь у кара-киргизъ Токмаксаго уѣзда г. Загряжскій.

П. Рейнталь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ,

издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою

на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

№ 43.

31-го октября

1872 года.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

ряжений, имѣвшій цѣлю не только ограниченіе въ пользованіи существующими лѣсами, но и искусственное разведеніе ихъ. Въ числѣ мѣръ къ сбереженію лѣса, какъ топлива, между прочимъ, русскому населенію области даны были указанія на замѣнъ дровъ кизякомъ и предложены способы къ лучшему его приготовленію, изложенные въ предписаніяхъ начальникамъ отдѣльныхъ частей отъ 30 ноября 1867 года, а затѣмъ на замѣнъ дровяного топлива кизякомъ упоминалось въ „временныхъ правилахъ о лѣсахъ семирѣченской области.“ Хотя эта полезная мѣра—замѣна топлива кизякомъ для сбереженія лѣса, какъ горючаго матеріала, весьма слабо исполняется въ средѣ русскаго населенія, но все таки, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, бываютъ случаи, хотя и рѣдкіе, что нѣкоторые жители занимаютъ приготовленіемъ кизяка на топливо въ достаточномъ количествѣ для своего хозяйства. Такъ въ станицѣ и выселкѣ Алматинскихъ поняли цѣль сбереженія лѣса и стали вводить въ свое хозяйство кизякъ въ достаточномъ количествѣ ниже поименованные урядники и казаки: Федоръ Астраханцевъ, Петръ Черепановъ, Николай Оконищниковъ, Василій Улишевъ, Емельянъ Ковалевъ, Иванъ Аферозъ, Максимъ Сычевъ, Петръ Равнянинъ, Егоръ Лямцевъ, Степанъ Швецовъ, Тимофей Смирновъ, Михаилъ Овчинниковъ, Степанъ Змейковъ, Нифантій Равнянинъ, Парфенъ Лямцевъ, въ особенности же Петръ Новоселовъ, Власть Равнянинъ, Тимофій Семеновъ и Иванъ Козловъ.

Согласно распоряженію Военнаго-Губернатора, объявляю выше поименованнымъ урядникамъ и казакамъ благодарность за предпринятый ими экономическій способъ заготовленія топлива посредствомъ выдѣлки кизяка и наиболѣе отличившимся въ этомъ дѣлѣ, согласно того же распоряженія, назначаю изъ экстраординарной суммы Губернатора денежное вознагражденіе казакамъ: Петру Новоселову, Власу Ровнягину и Тимофею Семенову по 15 рубль каждому, а Ивану Козлову 10 рублей.

На каждаго казака и поселянина, который будетъ вводить въ свое хозяйство кизякъ, какъ сподручный замѣнъ дровяного топлива, будетъ обращено вниманіе начальства и будетъ оказано поощреніе, соответственное званію предпринимателя и степени участія въ мѣрахъ правительства, клонящихся ко благо населенія.

Гг. уѣзднымъ начальникамъ и городничему г. Вѣрнаго предлагаю неупустительно доводить до свѣдѣнія областной администраціи о тѣхъ лицахъ казачьяго и сельскаго русскаго населенія, которыя будутъ заниматься приготовленіемъ для своего хозяйства, въ замѣнъ дровяного топлива, кизяка въ значительномъ количествѣ.

Распоряженія сыр-дарьинскаго областного правленія.

на 4 ноября 1872 года.

По апелляціоннымъ жалобамъ:

а) Крестянина Юдина, на рѣшеніе судьи города Ташкента по иску его Юдина на сарта Шаранъ-Миръ Камыръ-Улы, о 593 р. 70 коп.

б) Отставнаго рядоваго Гушмана, на рѣшеніе того же судьи, по иску Гушмана на отставнаго Юшковскаго, о 610 р.

в) Жены служителя провіантскаго склада Лановской, на рѣшеніе того же судьи, по иску съ нея рядовымъ Кейновымъ, о нарушеніи условія.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

БАЙТУКЪ-БАТУРЪ.

(Разсказъ изъ кара-киргизской жизни, 1867 года).

О кара-киргизахъ писано пока еще очень немного. Этотъ полудикій и хищный народъ, обитающій на р. Чу, а также въ горахъ по верхьямъ Сыра и вокругъ озера Иссык-куля, однако же стоитъ вниманія; еще очень недавно это былъ главный врагъ русскихъ,

труднѣе всего примиравшійся съ новыми, вводимыми въ его средѣ порядками. Одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, случившійся въ 1867 году, я полагаю, можетъ служить характеристикою наклонностей этого народа, и отчасти пополнить недостатокъ свѣдѣній о *бллокалтачникахъ*—кара-киргизахъ, какъ они сами себя называютъ. Въ Военномъ Сборникѣ за 1870 годъ мною помѣщенъ былъ очеркъ *дикакамена-киргизовъ*, называемыхъ также *бллокалтачниками*, а потому здѣсь не мѣсто повторять уже сказанное, тѣмъ болѣе, что случай, приводимый здѣсь, достаточно освѣтитъ наклонности этого народа.

Кара-киргизскій Манапъ (*) рода султъ, Байтукъ-Канаевъ, побочный сынъ Манапа Каная, извѣстный наѣздникъ или батыръ т. е. багатырь, еще во времена владычества Кокана, вмѣстѣ съ Умбетъ-Али, всегда пользовался во всей дикокаменной ордѣ большимъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ частью прежними наѣздами на сосѣдей-киргизовъ и даже на сосѣднія укрѣпленныя сартовскія осѣлости; частью же вниманіемъ къ нему русскаго начальства, начиная съ генерала Черныева, къ которому Байтукъ явился съ своими джигитами и предложеніемъ услугъ первымъ изъ всѣхъ кара-киргизскихъ манаповъ. Байтукъ былъ пожалованъ первымъ офицерскимъ чиномъ, медалями, почетными халатами и наконечъ въ январѣ 1867 года, въ числѣ прочихъ представителей средне-азиатскихъ народностей, былъ депутатомъ къ Высочайшему двору отъ кара-киргизовъ, родовъ: Султъ, Саякъ, Сарыбагышъ, Багышъ, Коци, Сару, Кутлусайтъ и другихъ. За эту поѣздку, Байтукъ Высочайше награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст., и перетнемъ съ брилліантами.

И безъ того уже всегда гордый, какъ съ подвѣдомственными ему манапами рода Султъ, такъ и съ манапами другихъ кара-киргизскихъ родовъ, Байтукъ, по возвращеніи изъ Петербурга, началъ еще болѣе гордиться значеніемъ своимъ. Онъ даже позволялъ себѣ требовать съ нѣкоторыхъ манаповъ, на томъ основаніи, что онъ былъ депутатомъ въ Петербургѣ отъ всѣхъ кара-киргизовъ, а слѣдовательно и расходы по поѣздкѣ должны были, по его мнѣнію, пасть на всѣхъ одинаково. Все это въ свое время было выяснено показаніями маналовъ и киргизовъ; но требованій Байтука все таки не удовлетворилъ никто, ожидая особыхъ по этому предмету распоряженій отъ русскаго начальства, которыхъ, конечно, не послѣдовало. Простой народъ (по кара-киргизски: *Бухара*) привязанъ къ своимъ манапамъ крѣпче, нежели киргизы другихъ ордъ къ своимъ султанамъ. Кара-киргизы называютъ себя рабами маналовъ, сопровождаютъ ихъ въ наѣздахъ и умираютъ за нихъ въ барантахъ и дракахъ. По этому, вліяніе Байтука, отразившееся на манапахъ, благодаря отличіямъ Байтука передъ русской властью, не могло не отразиться и на простомъ народѣ. И это вліяніе его, вмѣстѣ съ отдаленностью кочевковъ отъ центра управленія краемъ, вмѣстѣ съ самоувѣренностью Байтука и дикой простотой подвластнаго ему народа, доселѣ плохо знакомаго съ русскими, было причиною тѣхъ беспорядковъ между кара-киргизами, о которыхъ я хочу теперь разсказать.

Манапъ, рода саякъ Джусушъ, подвѣдомственный маналу Рускулбеку, управлялъ сотнею кибитокъ кара-киргизовъ, отдѣленія Токмакъ. По недоразумѣніямъ, возникшимъ между имъ и Рускулбекомъ, онъ обратился къ тогдашнему управлявшему населеніемъ лѣваго фланга, съ жалобою: будтобы на притѣсненія Рускулбека и съ просьбою отдѣлить его, съ подчиненными ему киргизами отъ рода саякъ и позволить ему кочевать особо. Но вмѣстѣ съ этой просьбой, онъ обратился и къ Байтуку, прося его содѣйствія, какъ старшаго и вліятельнаго между кара-киргизами манапа, тѣмъ болѣе, что одна изъ четырехъ женъ Байтука, была родомъ изъ отдѣленія Токмакъ. Обстоятельство это, въ силу стараго обычая, свойственнаго лишь кочевникамъ, поставило Байтука въ весьма близкія родственныя отношенія къ цѣлому племени, состоявшему изъ сотни кибитокъ.

Байтукъ принялъ участіе въ положеніи своихъ родственниковъ, и когда они, вмѣстѣ съ Джусушомъ, въ числѣ не то 100, не то

(*) Манапъ званіе, соответствующее званію султана у киргизовъ большой, средней и малой ордъ.

200 человекъ, бѣжали изъ аула Рускулбека и явились въ ауль Байтука, то онъ кормил ихъ на свой счетъ, просилъ Рускулбека письмомъ помириться съ Джусупомъ, просилъ и управлявшаго населеніемъ разрѣшить ему, Байтуку, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ и сбивчивыя отвѣты Байтука въ дѣлѣ въ свое время были достаточно выяснены. Оказалось, что ни Рускулбекъ, ни управляющій населеніемъ писемъ Байтука не получали.

Между тѣмъ и Джусупъ, ѣздившій къ управлявшему населеніемъ, съ жалобой на Рускулбека, возвратился въ ауль Байтука, не окончивъ дѣла. Управляющаго населеніемъ онъ видѣлъ только на пути въ Токмакъ и далѣе въ Вѣрное.

Управляющій населеніемъ объявилъ Джусупу, что, возвратясь изъ Вѣрнаго, онъ пригласить манановъ и разбереть его недоразумѣнія съ Рускулбекомъ. Но, вмѣсто того, чтобы терпѣливо подождать, Джусупъ, по свойственной всѣмъ кара-киргизамъ страсти къ наѣздамъ и грабежу, не вернулся въ свой ауль, кочевавшій вмѣстѣ съ аулами Рускулбека, а остался съ своими джигитами въ аулѣ Байтука и, конечно, не совсемъ равнодушно переносилъ отсутствіе своей семьи и скота. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неравнодушно смотрѣлъ на все это и Байтукъ, внимательство котораго въ дѣло Джусупа Рускулбекъ, не менѣе вліятельный между саяками, положительно отвергъ.

Изъ аула Байтука Джусупъ, по народному прозванію—*крыкъ-джигитъ* (т. е. 40 молодыхъ) сдѣлалъ наѣзд на аулы Рускулбека и ночью угналъ у него 400 лошадей. Это было около 4 или 5-го числа іюля 1867 года, на р. Сусамырѣ, на урочищѣ Алабель. Рускулбекъ, избѣгая новыхъ столкновеній, снялся съ своими аулами съ мѣста и откочевалъ на Таласъ. Узнавъ о томъ, Байтукъ въ тотъ-же день собралъ подвѣдомственныхъ ему манановъ и съ 300 джигитовъ поѣхалъ будто бы мирить Рускулбека и Джусупа, который былъ по прежнему при Байтукѣ. По словамъ Байтука, онъ неимѣлъ дурныхъ намѣреній, но слова его противорѣчатъ въ этомъ всѣмъ дальнѣйшимъ обстоятельствамъ дѣла. Такъ, напримѣръ, люди его были вооружены, и хвосты у лошадей, по старому обычаю кара-киргизскихъ наѣзтниковъ, были перетянуты по срединѣ. (*)

Ничтожное, по видимому, обстоятельство это является фактомъ весьма важнымъ, положившимъ, такъ сказать, начало всѣмъ послѣдующимъ безпорядкамъ. Рускулбекъ зналъ о движеніи Байтука, а потому кочевалъ осторожно, выставляя даже въ тылу своемъ небольшіе наблюдательные отряды.

На урочищѣ Тышканѣ, когда аулы Рускулбека, приди на становище послѣ полудня, расположились было на ночлегъ, аррьергардъ ихъ былъ атакованъ партией Байтука.

Вооруженіе джигитовъ и перетянутые хвосты ихъ лошадей съ разу обнаружили намѣренія толпы приближавшейся ущельемъ и джигиты Рускулбека встрѣтили нападавшихъ камнями, сбрасываемыми съ утесовъ. Этимъ они хотѣли остановить движеніе наступавшихъ. Здѣсь является спорнымъ вопросомъ о томъ, кто первый открылъ огонь? По объясненіи Рускулбека, — люди Байтука начали выстрѣлами пролагать себѣ дорогу по ущелью; по словамъ-же Байтука, виноватъ во всемъ Рускулбекъ, открывшій огонь по наступавшимъ! Но обстоятельство это становится далеко не такъ важнымъ, если по старымъ кара-киргизскимъ обычаямъ, имѣющимъ силу положительнаго закона, вооруженіе и перетянутый по срединѣ хвостъ лошади, означаютъ врага. Саяки кричали въ этотъ разъ султмамъ, что бы они и Байтукъ оставили ихъ въ покоѣ, что саяки особый родъ и въ постороннихъ внимательствахъ не нуждаются, и т. п. Гордость Байтука, окруженнаго рабски-покорными ему мананами, ожидавшаго покорности и отъ Рускулбека, прежняая слава его и высокое мнѣніе о себѣ послѣ поѣздки въ Петербургъ, не выдержали такого оскорбительнаго приѣма и сопротивленія со стороны не менѣе гордаго Рускулбека. Шайка Байтука ворвалась въ ауль и между юртами завязалась свалка. Къ ночи саяки одержали верхъ и Байтукъ съ своими султмами принужденъ былъ бѣжать. Рускулбекъ бросилъ ихъ преслѣдовать и гналъ по горамъ, такъ что люди Байтука бросали, пословамъ манановъ, усталыхъ лошадей и бѣжали пѣшіе. Самъ Байтукъ, говорятъ, едва не лишился при этомъ жизни, но былъ спасенъ молодымъ мананомъ рода султъ Бореке. По словамъ Байтука, въ этотъ разъ отбито у него саяками 250 лошадей, а по словамъ Рускулбека, шайкою Байтука брошено и подобрано Рускулбекомъ 65 лошадей. По объясненію Байтука и нѣкоторыхъ, бывшихъ съ нимъ манановъ, они бѣжали около 30 или даже 55 верстъ. Но этого не можетъ быть, если они дѣйствительно потеряли 250 лошадей изъ 300. Ночью, въ горахъ невозможно сдѣлать пѣшкомъ 50 верстъ. Да и самый уронъ со стороны Байтука, а именно 5-ть ранен-

ныхъ, показываетъ, что преслѣдованіе не могло быть слишкомъ горячимъ, иначе 250 пѣшихъ, да и самъ Байтукъ едва ли бы вернулись живыми въ ауль. У Рускулбека въ этотъ разъ убитъ одинъ джигитъ; раненыхъ не было.

Кто именно и кого убилъ или ранилъ въ этой дракѣ, дознать было невозможно. Тѣмъ не менѣе мананъ рода султъ Байбагитъ оговоренъ въ убійствѣ Уметкула джигита Рускулбека, и былъ преданъ суду. Послѣ этой же драки совершенно пропадаетъ слѣдъ манана Крыкъ-джигита, (Джусупа), изъ за котораго произошли всѣ эти безпорядки. По объясненію Байтука и нѣкоторыхъ манановъ Крыкъ-джигитъ выѣхалъ изъ аула Байтука, въ числѣ прочихъ манановъ, и потомъ былъ посланъ Байтукомъ впередъ, въ ауль Рускулбека, съ извѣстіемъ о томъ, что Байтукъ намѣренъ принять участіе въ ихъ распрѣ и что при Крыкъ-джигитѣ, по словамъ Байтука, былъ саякъ Абданъ. Послѣ этого ни Байтукъ, ни другіе мананы невидѣли Крыкъ-джигита и полагаютъ, что Рускулбекъ задержалъ или даже убилъ его. Абданъ объявилъ, что, пріѣхавъ съ Джусупомъ въ ауль Рускулбека, въ сумерки, они нашли манана Рускулбека сидящимъ около кибитки, среди нѣсколькихъ гостей. Вскорѣ стемнѣло; мѣсяца не было. Только что Джусупъ объяснилъ Рускулбеку причину своего пріѣзда, какъ предъ глазами Абдана блеснуло лезвіе сабли; что далѣе было—онъ уже не знаетъ. Абдана схватили, оттащили отъ мѣста схватки, раздѣли почти до нага и онъ, только въ однихъ чамбарахъ босой, бѣжалъ въ горы, откуда на другой день пробрался къ парти Байтука. Съ той поры онъ не видѣлъ крыкъ-джигита и не знаетъ о его участи, но полагаетъ, что его изрубилъ Рускулбекъ. Все это показалъ саякъ Абданъ, но показанію его невозможно вѣрить вполне, во первыхъ — потому, что дѣло было вечеромъ, а у джуламейки, гдѣ сидѣли Джусупъ и Рускулбекъ, не было даже разложено костра. Абданъ самъ признавался, что не видѣлъ даже въ темнотѣ лицъ людей, сидѣвшихъ съ Рускулбекомъ. Тѣмъ менѣе могъ онъ видѣть блескъ обнаженной сабли. Наконецъ все это, по его словамъ, случилось черезъ нѣсколько часовъ по наступленіи сумерокъ, а между тѣмъ достоверно извѣстно, что въ сумерки Байтукъ напалъ уже на ауль Рускулбека, отгнѣснивъ аррьергардный, наблюдательный отрядъ его, а ночью началось уже горячее преслѣдованіе въ горахъ разбитой шайки Байтука. Затѣмъ другихъ свѣдѣній о Крыкъ-джигитѣ не получено. Является предположеніе, и весьма основательное, что Крыкъ-джигитъ или убитъ, въ числѣ прочихъ, во время драки въ аулѣ, или умеръ отъ ранъ, въ горахъ; наконецъ можетъ быть упалъ съ утеса и разшибся, спасаясь при отчаянной погонѣ, ночью, въ горахъ.

Вернувшись въ свой ауль послѣ предпріятія, окончившагося такъ неудачно, и даже позорно для кара-киргизскаго самолюбія, Байтукъ-батуръ тотчасъ же сталъ снаряжать новую шайку, и, по словамъ бывшихъ въ то время при немъ манановъ, собралъ отъ 700 до 1000 всадниковъ. Самъ Байтукъ отнюдь не скрывалъ своего намѣренія: вторично напасть на Рускулбека, но при слѣдствіи объяснялъ его снова добрыми намѣреніями, желаніемъ помириться съ Рускулбекомъ, который будто-бы собирался уйти въ Коканскіе предѣлы. Для этого, какъ увѣрялъ Байтукъ, Рускулбекъ и откочевалъ къ урочищу Кетмень-Тюбе. На самомъ же дѣлѣ, еще передъ походомъ своимъ и потомъ, въ виду настигнутаго Рускулбека, Байтукъ высказывалъ, окружавшимъ его, что онъ или помирится съ Рускулбекомъ при посредствѣ маіора Худай-Бергеня (*) или *вернетъ свой стыдъ*, т. е. отмститъ за первое свое неудачное нападеніе. Между тѣмъ Рускулбекъ, послѣ первой драки, немедленно откочевалъ на Таласъ, къ урочищу Бишъ-ташъ, въ соудство родовъ: Коши, Сару и ауловъ бия Маіора Худай-Бергеня, а вовсе не на Кетмень-Тюбе, какъ оговорилъ его Байтукъ.— Маіоръ Худай-Бергенъ успѣлъ уклониться отъ встрѣчи съ Байтукомъ на Таласѣ, и ушелъ съ своими аулами, черезъ Александровскія горы въ долину р. Чу, и Байтуку ничего не оставалось дѣлать, какъ *вернуть свой стыдъ*, т. е. напасть на Рускулбека. Онъ и напалъ на него, и отбилъ множество разнаго скота и имущества. При этомъ снова съ обѣихъ сторонъ были убиты и раненные. Джигиты Байтука, въ озлобленіи, ломали и рубили даже кибитки саяковъ. Полнаго сознанія въ этомъ нападеніи со стороны Байтука, конечно, нѣтъ, но онъ уличался всѣми обстоятельствами дѣла. Важнымъ обстоятельствомъ во всемъ дѣлѣ является то, что Рускулбекъ, какъ на Тышканѣ, такъ и на Бишъ-ташѣ, былъ одинъ, только съ своими саяками, тогда какъ Байтукъ, былъ окруженъ подвѣдомственными ему мананами рода султъ, которые, также имѣли при себѣ джигитовъ. Въ схваткѣ на Бишъ-ташѣ, кромѣ султовскихъ манановъ, Байтукъ увлекъ съ собою

(*) Впрочемъ, это обычай всѣхъ узбекскихъ племенъ, когда онъ идутъ войною другъ на друга или на «неверныхъ».

(*) Изъ киргизъ Большой орды; коцуетъ около Мерке.—Худай-Бергенъ также былъ депутатомъ отъ киргизскаго народа въ С. Петербургѣ.

приманкою грабежа и баранты, манановъ родовъ сару и кощи. По словамъ манана Байбагыша, Байтукъ имѣлъ около себя до 4000 джигитовъ. Сколько убыло въ этотъ разъ у Байтука—не извѣстно; у Рускулбека же убито 15 человекъ.

О безпорядкахъ на Бишъ - тапъ первый далъ знать Рускулбеку начальству ограбленнаго Рускулбека. Байтукъ же не только не увѣдомилъ завѣдывающаго населеніемъ, но даже долгое время, подъ предлогомъ болѣзни сына, уклонялся отъ слѣдствія, такъ что слѣдователь вынужденъ былъ взять его посредствомъ команды. Байтукъ не оказалъ, впрочемъ, никакого сопротивленія этой командѣ; (*) потому половину пути къ Аулие-ата Байтукъ проѣхалъ безъ конволя, а по прїѣздѣ къ мѣсту слѣдствія, въ Аулие-ата, два дня жилъ на свободѣ и только послѣ допроса, уличенный на очныхъ ставкахъ съ разными лицами, данъ былъ подъ арестъ въ Аулие-атинскую цитадель. Между прочими обвиненіями, павшими въ ту пору на Байтука, весьма важнымъ было сообщеніе командира отряда за Нарыномъ, полковника Полторацкаго, о намѣреніяхъ Байтука уйти въ Коканскія владѣнія.

Вмѣстѣ съ Байтукомъ прїѣхали въ Аулие-ата и подали жалобу на Рускулбека 50 человекъ Токмацевъ: они обвиняли Рускулбека въ убійствѣ Крыкъ-джигита. Но мананъ Рускулбекъ былъ аттестованъ управляющимъ населеніемъ лѣваго фланга во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, на Байтука же, послѣ его ареста, опрокинулись даже его родичи, а горожане, когда его вели по базару въ цитадель, помня прежніе наѣзды Байтука на Аулие-ата, радовались и громко бранили его.

Сѣздъ киргизовъ, причастныхъ дѣлу, или просто любопытныхъ, былъ въ ту пору необычайный, такъ что мѣстныя воинскія власти принимали на всякій случай нѣкоторыя мѣры предосторожности.—Но все окончилось тихо, и враждующія стороны—саяки и сарты, занялись, при посредствѣ управляющаго, сведеніемъ счетовъ по убійству Рускулбека.

Нельзя не подивиться, что счеты эти, благодаря тому влиянію, какое имѣлъ на населеніе управляющій населеніемъ штабсъ-капитанъ Мѣдинскій, (***) скоро кончились къ общему удовольствію. Претензія Токмацевъ на Рускулбека и подозрѣніе его въ убійствѣ Крыкъ-джигита также окончены уплатою куна скотомъ и очистительной присягой, по народнымъ обычаямъ.

Арестъ Байтука произвелъ на всѣхъ кара-киргизовъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ знаменитый батуръ носилъ слишкомъ громкое имя, страшное для всѣхъ ближнихъ и дальнихъ киргизскихъ сосѣдей.—Однако же, еще и до ареста Байтука, нашлись въ степи, между киргизами личности, выражавшія негодование на самоуправство батура. Такъ бій Большой орды Худай-Бергенъ, между прочемъ, говорилъ въ своемъ показаніи: „Поступокъ Байтука я не одобряю; вмѣсто того, чтобы приблизить къ намъ саяковъ, и подчинить другіе, еще не подвластные намъ, кара-киргизскіе роды, кочующіе за Иссыкъ-кулемъ, поступки Байтука могутъ отвратить и тѣхъ саяковъ, которые покорились уже русскому Правительству. Мананъ Диканбай и Гляука, испугавшись безпорядковъ, откочевали уже на Джумгалъ. Я всегда забочусь о томъ, чтобы дальніе кара-киргизскіе роды вступили въ подданство Россіи, потому, что мы теперь живемъ спокойно, безопасно и въ довольствѣ.“

Въ свою очередь, мананъ саяковъ Диканбай и Беркъ, родичи Рускулбека, писали управляющему населеніемъ изъ горъ: (* ***) „увѣдомляемъ васъ, что мы, молясь Всевышнему о нашемъ здравьи, находимся въ совершенномъ спокойствіи, на Джумгалѣ. Байтукъ, ограбивъ Рускулбека, прислалъ къ намъ съ р. Сусамыра 30 джигитовъ своихъ, съ требованіемъ 500 барановъ и соли на 30-ти быкахъ, утверждая, что онъ израсходовался въ поѣздку свою въ Петербургъ. Боясь его притѣсненій, мы дали ему соли на 7 быкахъ. Узнавъ же о прїѣздѣ отряда (Полковника Полторацкаго) онъ, Байтукъ, спустился съ горъ, на Чу. Мы, молясь Богу въ Благо Царя, и принявъ подданство ему, а васъ считая своимъ начальникомъ, просимъ не оставлять насъ своимъ покровительствомъ во всѣхъ нашихъ просьбахъ и нуждахъ. Счастіе, а также бѣдствія народа саяковъ для всѣхъ саяковъ чувствительны, а потому мы очень сожалѣли объ ограбленіи Рускулбека, нашего родственника. Мы бы отоместили за это султана, но боимся вашего гнѣва, а если будетъ вами позволено, то мы отплатили бы имъ.“

Надобно замѣтить, что по отдаленности, и даже по неприступности своихъ кочевковъ, мананъ Диканбай и Беркъ состояли тогда въ подданствѣ Россіи почти номинально; но видя общую тишину въ краѣ, занятомъ русскими, они платили подать, какъ русскіе подданные.

Въ поѣздѣ Г. генераль - губернатора, въ

1867 году черезъ г. Аулие-ата, Его Высочайшее Превосходительство лично объявилъ Байтуку прощеніе, во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ передъ русской властью,—и теперь Байтукъ, совершенно смирившій свой прежній гордый нравъ, живетъ въ окрестностяхъ Пишпека (въ Токмакскомъ уѣздѣ). Байтуку теперь должно быть около 50 лѣтъ. Это высокій, плечистый мужчина, съ выразительными глазами, съ большой, черной бородой, звучнымъ голосомъ и важной осанкой. Онъ, дѣйствительно, рѣзко выдается между другими кара-киргизами, народомъ, по большей части мелкимъ, неуклюжимъ. Если вѣрить народному голосу, то отцемъ Байтука былъ какой-то сартъ изъ Аулие-ата, а матерью—невольница извѣстнаго манана Каная, который и усыновилъ Байтука. Кто наблюдалъ и сравнивалъ типы здѣшнихъ народностей, тотъ не можетъ не сознаться, что между горожанами (сартами) красивыхъ и сановитыхъ мужчинъ гораздо больше, нежели между полудикими кочевниками.

А. Хорошкинъ.

ОЧЕРКЪ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ УСЛОВІЙ СЕМИ-РЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Земледѣліемъ занимаются какъ киргизы, такъ и русскіе, но у первыхъ оно только подспорье къ главному промыслу—скотоводству, а у вторыхъ это главное промысловое занятіе. Киргизы до подчиненія русской власти почти не занимались земледѣліемъ, по недостатку сбыта хлѣбныхъ продуктовъ: для собственнаго употребленія, киргизамъ нужно только просо и немного пшеницы. Съ появленіемъ русскихъ,—киргизскія запашки постепенно увеличались и теперь количество производимаго ими хлѣба весьма значительно.

Способы обработки земли у киргизъ первобытны: киргизъ старается только о томъ, чтобы своей мотыгой (часто простой древесной сукъ) разрыхлить слегка землю для помѣщенія сѣмянъ, заботясь затѣмъ о поливѣ посѣяннаго изъ арыковъ. Благодаря плодородію почвы, легкій трудъ киргиза обильно вознаграждается, хлѣбъ рождается хорошо и легко сбывается русскому городскому населенію, въ войска и на винокурные заводы.

Русское населеніе, состоящее пока главнымъ образомъ изъ казаковъ, держится въ земледѣліи той же системы обработки почвы, какъ и киргизы, употребляя впрочемъ болѣе усовершенствованныя орудія: сохи и бороны.

Русскіе сѣютъ пшеницу, рожь, овесъ, ячмень, просо, немного гречихи, картофеля, арбузы, и дыни. Сарты разводятъ также клеверъ.

Соотвѣтственно пространству области количество пахатныхъ земель не велико: для земледѣлія годны только долины, прилегающія къ горнымъ хребтамъ, наполняющимъ восточную часть области. Но вслѣдствіе незначительности населенія, долинъ этихъ въ настоящее время съ избыткомъ достаточно. Это обстоятельство служитъ причиною того первобытнаго состоянія, въ которомъ находится здѣсь земледѣліе; только съ уменьшеніемъ свободныхъ земель наступитъ время усовершенствованія способовъ обработки земли. Продукты земледѣлія потребляются всѣ въ предѣлахъ области, не имѣя сбыта внѣ ея нигде, за исключеніемъ Акмолинской области, куда хлѣбъ идетъ при неурожаяхъ въ этой области.

Въ области еще не было произведено хозяйственной сѣмки земель, а потому не извѣстно количество засѣваемой ежегодно населеніемъ земли. Нѣтъ также ежегодныхъ свѣдѣній о количествѣ посѣяннаго и снятаго киргизами хлѣба, потому что собрать эти свѣдѣнія отъ кочевниковъ, незнакомыхъ съ мѣрами вѣса, весьма затруднительно. О посѣвѣ и урожаѣ русскаго населенія имѣются слѣдующія данныя:

Въ 1868 г. посѣяно было 1574½ четверти ржи, 30,021 четверть яровыхъ хлѣбковъ (главнымъ образомъ пшеницы, затѣмъ овса и ячменя и наконецъ проса) и 1751 четверть картофеля, и снято: четвертей ржи 10,839, яровыхъ хлѣбковъ 298,394 и картофеля 23,058. Стало быть урожай самъ 6,88 ржи, самъ 9,93 яровыхъ хлѣбковъ и самъ 13,16 картофеля. Урожай былъ по всюду удовлетворительный.

Въ 1869 г. посѣяно было 3,531 четверть ржи, 42,912 четвертей яровыхъ хлѣбковъ (главнымъ образомъ пшеницы, затѣмъ овса, ячменя, проса и гречихи) 79 четвертей озимой пшеницы и 1137½ четвертей картофеля. Снято было 23,645 четвертей ржи, 319,579 четвертей яровыхъ хлѣбковъ, 630 четвертей озимой пшеницы и 15,920½ четвертей картофеля. Слѣдовательно урожай былъ самъ 6,69 ржи, самъ 7,39 яровыхъ хлѣбковъ, самъ 8 озимой пшеницы и самъ 14 картофеля. На каждую душу осѣдлаго населенія, стало быть, придется по 10,5 четвертей хлѣбныхъ растений.

Въ 1869 г. киргизами засѣяно было болѣе хлѣба, чѣмъ въ предъидущіе годы, вслѣдствіе падежа рогатаго скота въ 1868 г.; но урожай былъ не повсюду одинаково удовлетворителенъ. Такъ въ сѣверной части Токмакского уѣзда, въ долинѣ р. Чу, урожай былъ

(*) Благодаря такту и популярности сотника Кучарбаева, имѣвшаго однако весьма серьезныя инструкціи, на случай сопротивленія Байтука. Г. Кучарбаевъ и теперь служитъ въ Аулие-ата.

(**) Нынѣ подполковникъ и начальникъ г. Ташкента.

(***) Переводъ сотника Кучарбаева.